

Старый охотник еще продолжал выкрикивать свое предупреждение о том, что разбойники Желтых повязок снова напали, и этот вопль эхом отдавался под низкими стропилами хижины, а снаружи уже разразился такой вой и визг, словно раскаленное железо прижгли прямо к барабанным перепонкам Цзян И.

— Проклятые разбойники! Верните жизнь моему внуку! — пронзительный крик старухи разорвал воздух, но тут же был оборван грубой бранью и глухим ударом чего-то тяжелого, упавшего на землю.

Цзян И резко приподнялся, и приступ головокружения, подобно гигантской волне, накрыл его с головой. В глазах потемнело, рана на левом плече от резкого движения вскрылась, и теплая жидкость быстро пропитала грубую льняную одежду. Острая боль, однако, подействовала на него как ушат ледяной воды: в этот критический момент его хаотичные мысли внезапно собрались в единое целое и прояснились.

— Кто-то ранен! Я должен... — он, пошатываясь, бросился к серому свертку в углу. Пальцы, ослабленные и дрожащие от спешки, с мастерством, выработанным годами тренировок, ловко развязали узлы.

— Ты с ума сошел! — старый охотник, чьи глаза налились кровью, намертво вцепился в его здоровое правое плечо своими костлявыми, похожими на орлиные когти руками, с силой, поразительной для старика. — Это же демоны Желтых повязок, они убивают не моргнув глазом! Режут всех подряд! Прячься! Скорее, уходим через задний склон...

— Я лекарь! — Цзян И резко поднял голову, встречаясь взглядом с ошеломленным и охваченным ужасом охотником. Эти три слова вырвались не из горла, а из самой глубины души, из крови и костей, принадлежащих как Цзян Мину, так и Цзян И, прозвучав с непоколебимой тяжестью скалы. В его глазах отразились не только бушующие волны пришельца из другого мира, но и почти инстинктивное спокойствие и решимость, присущие врачу перед лицом пациента.

Он с силой разжал железную хватку охотника и намертво привязал свертки к поясу. Холодные, опережающие свою эпоху лезвия инструментов сквозь ткань впивались в кожу, придавая ему странную силу, помогавшую твердо стоять на ногах.

Толкнув скрипучую ветхую дверь, он ощутил, как густой запах крови, смешанный с пылью и гарью от сгоревшей соломы, словно увесистый кулак, ударил его в лицо. Солнце послеполуденного дня третьего числа третьего месяца седьмого года правления Цзяньнин освещало поле битвы у входа в деревню.

Более десятка фигур в грязных желтых повязках, словно голодные волки в овечьем загоне, неистово грабили и избивали жителей. Один из сельчан лежал в луже крови, его шея была почти перерублена, и темно-алая кровь все еще сочилась, окрашивая сухую землю. Неподалеку двое разбойников волокли за волосы молодую женщину, прижимавшую к себе младенца, чей пронзительный плач разрывал сердце. Главарь бандитов с одутловатым лицом, ухмыляясь,

занес над головой широкий меч, целясь в спину несчастной.

— Остановитесь!

Этот крик, выжавший весь воздух из легких Цзян И, прозвучал хрипло и с надрывом, но словно капля воды, попавшая в кипящее масло, он мгновенно взорвал хаос сцены.

Меч главаря замер в воздухе, он удивленно обернулся. Перед ним стоял бледный как полотно юноша, пошатывающийся от слабости, с кровавым пятном на левом плече, но взгляд его был острее закаленной иглы.

— Откуда взялся этот доходяга? Жить надоело? — сплюнул главарь и, развернув меч, со свистом рассек воздух, нанося удар прямо в шею Цзян И.

Дыхание смерти опалило лицо! Инстинкты, закаленные в боях в Афганистане, сработали быстрее мысли. Цзян И, положившись на мышечную память, резко бросился вправо и кубарем покатился по земле. Холодное лезвие просвистело над самым плечом, распоров и без того окровавленную одежду и оставив на коже глубокую, жгучую рану. От боли в глазах поплыли искры, а к горлу подступил тошнотворный привкус крови.

— Я лекарь! — прохрипел он, преодолевая головокружение и боль, и голос его разнесся над залитой кровью землей. — Ваши люди! Там! — он дрожащим, но твердым пальцем указал на покосившиеся каменные жернова у края деревни.

Все взгляды, включая бандитские, невольно устремились туда.

Возле жерновов лежали двое на самодельных носилках. У одного из разбойников из живота торчала грубая деревянная стрела, древко которой мелко дрожало при каждом болезненном вздохе, а темно-красная кровь пропитала одежду. Лицо его от потери крови и боли приобрело пугающий серый оттенок. Другой, сжимая простреленную голень, корчился в муках: арбалетный болт пробил ногу насквозь, обнажив белые осколки кости, а черная кровь стекала на землю.

— Старшой! Это же тот самый парень! — из толпы выскочил худой, похожий на обезьяну разбойник, указывая на Цзян И с ноткой удивления и подобострастия. — Несколько дней назад, когда я на склоне напоролся на клык дикого кабана и кишки чуть наружу не вывалились, именно он зашил меня той изогнутой иглой и ниткой! Теперь даже шрам почти зажил! — он торопливо распахнул грязную одежду, демонстрируя безобразный, но хорошо затянувшийся рубец, похожий на сороконожку.

Главарь, Ван Мацзы, прищурил свои хищные треугольные глаза, заново оценивая шатающегося юношу. Его взгляд, подобно стервятнику, взвешивающему кусок падали, скользил по окровавленному плечу Цзян И.

— Ты? — он, волоча меч, медленно приближался, и капли крови с лезвия падали в пыль. — Правда можешь вылечить стрелу? Заделать дыру в животе? Срастить сломанную ногу? — с каждым вопросом кончик меча подбирался все ближе к носу Цзян И, а ледяная жажда убийства, казалось, замораживала воздух.

Цзян И заставил себя выпрямиться, игнорируя пронзительную боль и тошнотворный запах ржавчины. Он встретил взгляд Ван Мацзы, и его голос, подавляющий боль, прозвучал твердо, как сталь:

— Могу! Но условие — оставьте эту деревню в покое! Всех жителей! И ни зернышка больше не забирать!

— Оставить их? — Ван Мацзы рассмеялся, как ночная птица, оглядывая бледных от страха жителей. — Ты, щенок, думаешь, ты мне указ? Не вылечишь — я тебя на фонарный столб вздерну, а эту деревушку выжгу дотла! — он внезапно оборвал смех и вонзил кончик меча в землю. — За работу!

Ветхая хижина превратилась в импровизированную операционную. В спертom воздухе смешались запахи крови, горьких трав и специфический аромат свежих ран. На дверных полотнах, сбитых в операционный стол, корчились от боли раненые разбойники. Цзян И, покрытый холодным потом, был сосредоточен до предела, словно весь мир вокруг перестал существовать.

Не имея спирта, он снова и снова промывал руки, ножи и костяные иглы кипятком. Пламя лизало лезвия скальпелей, стерилизуя их. Когда раскаленное острие коснулось краев раны, в воздухе распространился запах паленой плоти, а раненые издали нечеловеческий вопль.

— Держать его! — голос Цзян И был холоден и непреклонен.

Несколько сельчан и сами разбойники изо всех сил прижали бьющихся в конвульсиях товарищей. Руки Цзян И были тверды, как гранит. Он прижигал сосуды, быстро очищал раны от грязи и обрывков одежды, расширял разрезы, чтобы добраться до сломанных костей и наконечников стрел. Когда он специальным изогнутым пинцетом извлек застрявший в кости ржавый наконечник, сопровождаемый неприятным скрежетом, один из сельчан не выдержал и вырвал.

Обработка раны живота была еще опаснее. Цзян И осторожно обрезал древко, стараясь не задеть внутренние органы. Затаив дыхание, он работал раскаленным ножом, очищая поврежденные мышцы. Пот градом катился по его лицу, смешиваясь с кровью. Костяная игла с нитью порхала, как челнок, стягивая края раны. Каждый стежок сопровождался стоном и судорогами раненого.

Время тянулось невыносимо долго. Два часа показались веком. Снаружи царила мертвая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием и стоном. Ван Мацзы, подобно демону, стоял у входа, не сводя глаз с каждого движения лекаря. Сельчане, сбившись в углу, смотрели на

происходящее с ужасом и слабой надеждой.

Когда Цзян И наложил последнюю повязку, пропитанную толчеными травами, он наконец выдохнул и пошатнулся. Одежда прилипла к телу, а рана на плече снова открылась.

— Готово, — прохрипел он от усталости. — Водой не мочить, через три дня сменить повязки. Если найдете мед, смажьте вокруг — это убережет от гниения.

Ван Мацзы подошел и грубо сорвал повязку для проверки. Рана была аккуратно зашита. Он с силой надавил на швы — раненый застонал, но края не разошлись.

— Хм! — Ван Мацзы убрал руку, и в его глазах вместо ярости загорелась жадная алчность. — Парень, а ты мастер! Такое искусство — людей с того света возвращать! Пойдешь с нами! Великий мудрый наставник набирает таланты. С твоим умением ты станешь Генералом, спасающим мир! Богатство и слава будут твоими!

Великий мудрый наставник! Чжан Цзяо!

Эти слова ударили, как гром. История входила в свою самую кровавую фазу, и он оказался в самом центре этого водоворота. Примкнуть к Пути Великого Благоденствия? Стать каплей в цунами, которое неизбежно будет стерто в порошок? Нет! Это противоречило его душе врача. Это путь в никуда!

— Если я уйду, — Цзян И подавил волнение и посмотрел в глаза Ван Мацзы, — кто будет следить за ними? Им нужен покой хотя бы полмесяца. Давайте так: если у ваших братьев будут раненые, привозите их сюда. Для лекаря есть только пациент, нет врагов. Если я понадоблюсь, я помогу, пока это не противоречит моей совести.

Ван Мацзы взвешивал выгоду. Юноша был ценным приобретением. Силой забрать? Он слаб, но раненые не выдержат пути. К тому же в парне чувствовался стальной стержень — передавишь, и он пойдет на принцип. Стабильный, умелый лекарь под боком был куда полезнее.

— Хорошо! — Ван Мацзы хлопнул себя по бедру. — Ты человек слова! Договорились! Через три дня придем снова. Если что не так... — он выразительно поиграл мечом.

Разбойники ушли, оставив деревню в руинах и запахе крови. Когда тишина стала невыносимой, рыдания прорвались наружу.

— Цзян И! Лекарь наш! — старый староста упал на колени, цепляясь за окровавленную одежду юноши. — Если бы не ты, мы бы все сегодня погибли!

Цзян И с трудом поднял старика. Он видел страх и безнадежность в глазах людей. Это только начало. Смута в правление Цзяньнин лишь разгоралась.

— Староста, — голос Цзян И стал тяжелым, — это только начало. Скоро придут другие. Здесь больше не безопасно.

— Что нам делать? Куда бежать? — шептал староста.

Цзян И посмотрел на изможденных людей, на разрушенные хижины и на далекие горы. В нем проснулся инстинкт военного врача.

— Нельзя ждать смерти, — сказал он. — Первое: я научу вас обрабатывать раны. Второе: мы должны защитить деревню! Рубить деревья, делать частокол, копать рвы! Мы должны построить укрепление!

Слова упали в мертвую воду, но в глазах людей затеплился огонек.

— Верно! — крикнул один из раненых мужиков. — Лучше умереть в бою, чем как скот!

Ночью, когда все утихло, Цзян И сидел у разбитого камня на краю деревни. Его руки, огрубевшие от работы, все еще хранили следы крови. Память военного врача Цзян Мина сливалась с воспоминаниями юноши Цзян И. Восстание Желтых повязок, Дун Чжо, Троецарствие... Он знал, что ждет этот мир.

Остаться здесь — значит ждать смерти. Уйти? На север! В центр бури, туда, где вершатся судьбы. К Лю Бэю, Цао Цао, Сунь Цзяню... У него есть знания, есть инструменты, есть секрет хинина. Может, он сможет изменить хоть что-то?

Подошел старый охотник и сел рядом, протянув бамбуковую флягу.

— Пей, парень. Ты сегодня показал мужество, которого нет у многих взрослых.

— Деревню не удержать, — добавил старик, глядя на север. — Ты не из тех, кто должен сгнить здесь. Уходи! Иди к тем, кто вершит историю. У тебя есть дар, который спасет тысячи. Стань тем, кто изменит этот мир.

Слова старика разбили последние сомнения. Цзян И поднял голову. Звездное небо было великолепно и безразлично к людским страданиям. Он встал, поправил сверток с инструментами и заветным порошком. Это был его путь, его ответственность и его вызов хаосу.

— Староста, — сказал он на рассвете, — завтра я ухожу.

Деревня, погребенная в утреннем тумане, оставалась позади. Цзян И твердо шагал по дороге на север. Ветер трепал его окровавленную одежду. Этот ветер скоро долетит до Хулао и до самого Лояна. Путь был открыт.

Одинокaя фигура юного лекаря, ступая по весенней грязи седьмого года правления Цзяньнин, шаг за шагом направлялась на север, туда, где в кровавом мареве переплелись слава героев и прах павших.

<http://bllate.org/book/18471/1771453>